

И. И. МАРТЫНОВ

**Защитение Российскаго правления
иностранцем против иностранца с примечаниями
Русскаго***

Ne dum tacemus, non verecundiae,
sed diffidentiae causa, tacere videamur.

*Cyprian*¹

Случайно досталась мне книжка на французском языке, под заглавием: *Lettres Russiennes*, напечатанная в 1760 году, без означения имени Автора и места, где напечатана². Странность сия, а больше ее заглавие, заставили меня за одним приемом прочесть ее всю. Неизвестный автор поднял оружие против знаменитого творения: *Esprit des Loix*. Главный предмет его состоит в том, чтоб, отвергнув определение *деспотизма*, которое мы находим в книге Монтеस्कьё, защитить от нападков сего писателя некоторые Правительства, а наипаче Российское, которое, основываясь на своем определении, называет он деспотическим. Книжка сия показалась мне вообще любопытной, и очевидно, с каковой выставлены в ней неточности сего знаменитого писателя, гораздо превосходит критики, до того времени писанные на его «Дух законов». Но я воспользуюсь только тем из нее, что ближе к сердцу моему и каждого русского: выпишу только то, что касается до России, присовокупив, где нужно будет, и свои замечания.

* Г. Члена Главного Правления Училищ, Д. Ст. Сов. И. И. Мартынова.

Вот как Монтескьё определяет деспотизм. «Это есть правление, в котором один, без правила и закона, все увлекает своей волей и прихотями. Для живейшего изображения сего правления, он сравнивает его с дурным обычаем дикарей луизианских, которые, для получения с дерева плодов, срубают его до корня». Неизвестный автор «Русских писем», доказав неосновательность сего определения, противопоставляет ему определение, какое делает деспотизму Губер³, и которое почитает он основательным, в чем и я с ним согласен. «Деспотизм (*dominatus*)*, — говорит сей ученый, — есть такая верховная власть, в силу которой глава государства управляет своими подданными так, как отец семейства повелевает своими рабами, и, будучи властелином как их имуществ, так и тел, направляет действия их главным образом к собственной их пользе».

Опровержение понятий Монтескьё о деспотизме, подтверждение понятий о нем Губера и развитие прикосновенных к сему образу правления понятий. Занимает первые тринадцать писем: рассуждения его о Российском образе правления начинаются в четырнадцатом письме следующим образом:

«Убедясь в несовершенстве понятий, какие Монтескьё составил о деспотизме, менее буде удивляться неверному изображению многих известнейших монархий, которые ставит он в число государств деспотических.

Таковыми почитает он не только Турцию, Монголию, Японию и Китай**, но на той же черте ставит и древнюю, Римскую Империю***,

* Деспотизм есть слово греческое, и буквально означает господство, владычество.

** В VIII кн. гл. XXI находятся следующие речи: «Наши миссионеры говорят нам об обширной Китайской империи, как об удивительном правлении, смешивающем в своем начале страх, честь и добродетель. И так я сделал пустое разделение, постановив начала трех правлений... Мы еще далеко находимся от того, чтобы наши торговцы давали нам понятие о той добродетели, о коей говорят нам наши миссионеры. У них можно наведываться о разбоях мандаринов». <...> (Примеч. пер.)

*** В кн. VI, гл. XV автор говорит, что «Римская империя, в правление императоров, сделалась деспотической и воинственной». Правда, он в другом месте (кн. II, гл. XVIII) заметил, что «сие государство, в правление добрых императоров, возвращало себе начала свои, и сокровищем чести дополнялись другие сокровища». (Примеч. пер.)

Россию, Испанию, Португалию*, Данию** и Швецию в царствование Карла XII***. Таким образом легко доказать, что азиатские государства****, которые М.[онтескье] почитает деспотическими, столь же мало заслуживают называться таковыми, как и Европейские, мною выше наименованные*****, и различаются от наших монархий только свойствами и нравами народов, населяющих сию часть земли. Но сии исследования слишком удалили бы меня от моей цели, к коей пора мне приблизиться, и я ограничу себя только доказанием, что Империя, для коей принялся я за перо, во все времена была истинной Монархией, и что ни несовершенство нравов, которое в ней было общим со всеми другими европейскими государствами, ни благоприятные перемены, случившиеся там в наше время, никогда ни мало не касались свойств ее установления.

Обширность, каковую Монтескье дал слову деспотизм, заставляет меня показать, что Российское Правление не есть деспотическое ни в истинном знаменовании сего слова, ни в том смысле, когда оно означает государство неправильное, а есть неограниченная Монархия, или государство гражданское, в коем народы управляются одною особою по законам и правилам, каковые Самодержец почитает приличными общему их благу, без договоров или законов, ограничивающих в сем отношении его власть и могущество;

* В кн. II, гл. 2, авт. вопрошает: «Куда бы девались Испания и Португалия по утрате своих законов, без сей власти (т.е. власти духовенства), которая одна удерживает свое могущество». (*Примеч. пер.*)

** По словам, находящимся в кн. XVII, гл. IV, не трудно судить, что «другое северное государство, утратившее законы, не может быть, по мысли автора, иное как Дания». (*Примеч. пер.*)

*** В V кн., гл. XIV он говорит: «В сих странах (деспотических) люди таковы, что им нужно только имя, для управления ими. Карл XII, быв в Бендерах, по случаю некоторого сопротивления, последовавшего в Шведском Сенате, писал, что он, для управления ими, пошлет один из своих сапогов»⁴. (*Примеч. пер.*)

**** О правлении сих государств можно справиться с тем, что Вольтер говорит об них в своем «Опыте о всеобщей истории». То, что он в особенности замечает о правлении Турецкой империи, которое он, вместе с графом Марсили⁵, почитает более республиканским, нежели деспотическим, заслуживает большое внимание. (*Примеч. пер.*)

***** Автор «Писем о Дании» дал весьма точное понятие об образе правления сего государства. Однако ж я считаю долгом заметить, что сей знающий писатель обманулся в том, будто Монтескье применил слово деспотизм только к тем чудовищным правлениям, коих Европа уже не знает. (См. Пис. I., стр. 8). (*Примеч. пер.*)

каковою некогда была Империя Римская*, а в наше время в Европе Королевства Испанское, Неаполитанское и Датское**.

Положению моему я немедленно представлю доказательства; найти их мне будет нетрудно.

* Можно бы думать, что греческие императоры, приняв титул βασιλεύς, царя или αὐτοκράτωρ, самодержца, и даже в продолжение некоторого времени (в XI и XII веке), титул деспота, *владыки* или *государя*, который Августом и его преемниками отринут, дали тем новую форму Восточной Империи. Но не видно было того, чтобы сии государи, коих могущество впрочем находилось в упадке, сделали, или могли сделать малейшее изменение в правлении, и то весьма известно, что сия перемена ограничилась титулом. По сей-то причине и император Алексей, проименованный Ангелом, перестав употреблять титул Деспота, пожаловал оный лицам, занимавшим вторую степень по Императоре, а именно: своим сыновьям и зятьям; по разрушении же Империи, титул сей остался у христианских князей (принцев), кои, в качестве вассалов, сохранили некоторые остатки оногo, как наприm. у Волошских, Сербских, и пр. <...>

** Сочинитель «Русских писем» еще не мог читать «Наказа» *Екатерины Великой*. Он увидел бы в сем бессмертном творении подтверждение своему мнению об образе правления в России, равно и причины, почему нужен для нее такой образ правления, а не другой. Законодательница в 11 главе «Наказа» говорит, пункт 9: «Государь есть самодержавный». На французском языке, на коем, как известно, *Императрица* изволила писать «Наказ», сказано: «Le Monarque de Russie est Souverain», т. е. Российский монарх есть самодержец. Почему? Следует причина: «ибо никакая другая власть, соединенная в его особе, не может действовать сходно с пространством толь великого государства (простиравшегося тогда на тридцать две степени широты и на сто шестьдесят пять степеней долготы по Земному шару)». 10 пункт: «Пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит. Надлежит, чтобы скорость в решении дел, из дальних стран присылаемых, награждала медление, «отдаленностью мест причиняемое». Пункт 11: «Всякое другое правление не только было бы России вредно, но и в конец разорительно». Пункт 12: «Другая причина та, что лучше повиноваться законам под одним господином, нежели угождать многим». Начало самодержавия г. Карамзин относит до времен Иоанна III. (И.Р.Г.Т. V, стр. 335 и 375)⁶. Два государя, Иоанн и Василий, говорит он, умели навеки решить судьбу нашего правления и сделать самодержавие как бы необходимой принадлежностью России, единственным уставом государственным, единственной основой целости ее, силы, благоденствия. Сия неограниченная власть монархов казалась иноземцам тиранией: они в легкомысленном суждении своем забывали, что тирания есть только злоупотребления Самодержавия, являясь и в Респуbликах, когда сильные граждане или сановники утесняют общество. Самодержавие не есть отсутствие законов: но где обязанность, там и закон, никто же и никогда не сомневался в обязанности Монархов — блюсти счастье народное (И.Р.Г.Т. VII, стр. 200 и 201).

Письмо пятнадцатое.

Сперва я хочу доказать, что Российское Правление не есть деспотическое, собственно так называемое. Для сего мне стоит только обнаружить, что народы, подвластные сей могущественной Империи, наслаждаются истинной гражданской вольностью, или свободой, и столько же не заслуживают названия рабов*, как и подданные всех прочих европейских государств, в коих царствуют независимые государи.

Правда, слово вольность есть одно из тех, кои весьма часто употребляются во зло, и под коим смешивают не только множество случайных предметов. Но и своеволие, оную разрушающее.

Нетрудно понять, что человек, решающийся сделаться членом гражданского общества, по многим уважениям должен отказаться от природной своей вольности, для тех выгод, кои обещает ему выбор нового его состояния. Таким образом, сия вольность, вообще говоря, не состоит ни в независимости или в освобождении от обязанностей, как бы они трудны ни были, и кои исполнять должен каждый гражданин, ни в позволении оставить государство, когда бы мы не захотели; ни в *liberum veto*, как в Риме и в Польше (*не позволяя*), ни в *восстании*** (*insurrection*) против своих начальников, которое некогда позволено было в Крите; ни в вольности книгопечатания, как в Англии***; ни в кротости

* Здесь употреблено слово *eslave*, а в других местах *serf*: оба они означают: *раб, невольник*. Правда, что слово *раб* еще в последней половине XVIII столетия употреблялось у нас в просьбах, на имя государей подаваемых и других бумагах, вместо имени *подданный, верноподданный*; на как оно потом признано нашими же Государями недостойным человека. То употребление оно отменено Указом февраля 11 д. 1786 года. Впрочем, время только сделало его отвратительным и как бы унижающим природу человеческую, а в самом существе оно значит то же, что и слуга, работник. В церковных книгах и в Свящ. Писании оно везде употреблено вместо *слуги*, а на греческ. *δοῦλος*; напр. Не пожелай ни раба его, ни рабыни его; или: причащается раб Божий; или: помяни, Господи! раба твоего, и пр. (Указ 1816 года Мая 28 д. предписывает *невольников* называть *арестантами*).

** Слово сие употребил Монтескьё в кн. VII, гл. XI. Сие восстание значит то же, что поляки называют (т.е. прежде называли) *конфедерацией*, что составляло одно из преимуществ сего народа. (*Примеч. пер.*)

*** Вольность, или свобода книгопечатания, в Англии допущенная, не может служить примером другим державам. Там все, начиная от низших состояний до высших, привыкли к дерзким и неблагопристойным нападкам своих писателей. Великое множество газет, выходящих по мыслям как

законов* и умеренности наказания**, кои зависят столько же от характера и просвещения законодателей***, как и от свойств и нравов народов, подвластных их правлению, ни наконец, во введении основных законов, дворянства****, и судебных мест*****, которое, как ни превосходно, но есть совершенно случайное. Гражданин, под руководством доброго начальника, может быть истинно вольным без всего того, и часто все сии преграды бывают недостаточны воспрепятствовать худому Государю во зло употреблять свою власть.

оппозиции, так и правительства, препятствует сделать какой-либо статье великое впечатление или произвести важное чувство; там всегда возле яда находится противоядие. Ум англичан рассудителен, характер их хладнокровен и тих, воображение и чувствительность находятся в зависимости от разума; посему их обмануть, привести в заблуждение, воспламенить или поколебать труднее, нежели всякий другой народ. Притом, там есть законное средство примечать за мнением, и мнение имеет законный орган, т. е. парламент. Сверх того своеволие тиснения привело оное в такое презрение, что почти вовсе не занимаются пересудами, помещаемыми в публичных листках. Ими забавляются, любят остроумием, и не верят им. Между тем как в других государствах, народ говорит: *это напечатано; стало быть, это правда*; в Англии многие говорят: *это ложно, ибо напечатано*.

* Перед словами: *ни в кротости законом*, в подлиннике на поле приписано: *ni dans celle de faire de timides remontrances, comme en France, т. е. ни в свободе делать робкие напоминания, как во Франции*.

** Монт.[ескье] думает, что наказания соединены с природой правления. Кн. VI, гл. XV. (*Примеч. пер.*)

*** Известно, что в Афинах Дракон учредил наказания чрезмерно строгие; а Солон их смягчил.

**** М.[онтескье] утверждает (Кн. II, гл. I.), что дворянство входит в сущность Монархии, приняв следующее правило: «Нет Монарха, нет и дворянства; нет дворянства, нет и Монарха». Умствование сие нашел он, по-видимому, в творениях знаменитого Бакона: «Всякая монархия, в которой нет дворянства, есть чистая тирания, как напр. турецкая»⁷. Но нельзя сомневаться, чтобы сей великий человек не имел в виду только Англию и права, коими дворянство там пользуется, и кои действительно неотделимы от Конституции сего Королевства. Не видали ль мы истинных монархий без того, что называем дворянством, точно так. Как видим сие дворянство в таких государствах, в коих нет государя? (*Примеч. пер.*)

«Дворянство, говорит Екатерина Великая (Наказа гл. XV и 360) есть нарицание в чести различающее от прочих тех, кои оным украшены. У нас в старину дворянином назывался всякий чиновник, служивший в каком-либо звании собственно при Государевом Дворе или его особе, или только принадлежавший к оному. Отсюда первоначально происходит название дворянства. (См.: извест. О двор. под словом: *дворяне*, стр. 48).

***** Учреждение судей без сомнения случилось после учреждения царей. И так монархи были прежде судебных мест и начальств (М. Кн. XI, гл. VI.)

Сия вольность существенно заключается*, 1-е, в возможности беспрепятственно делать все то, что сообразно с благом и законами Государственными, и в том, чтоб не быть обязанным ни к чему, что явно им противно**; 2-е, в оказании Правительством защиты во всех случаях, когда нас притесняют или несправедливо на нас нападают; 3-е, в суждении по законам или правилам, сообразным с общим благом, или с началами Права естественного <...> и гражданского; и 4-е, в наслаждении собственностью имуществ, поколику сия собственность не исключает преимущественного обладания (le domaine eminent)***.

И так политическое рабство состоит именно в предметах, противных выгодам, выше мной изложенным, и не должно постав-лять оно в простом только злоупотреблении верховной власти, или в несовершенстве Правления. Гражданская вольность есть право, высшее силы и угнетения****.

Неоспоримо то, что подданные сей империи на самом деле наслаждаются всем тем, что входит в природу сей вольности.

(Продолжение впродь.)

(Продолжение).

* Все четыре следующие пункта в подлиннике зачеркнуты; но как на место их ничего не вписано, и притом следующие два примечания остались не-зачеркнутыми, то я не исключил их.

** М.[онтескье] сам замечает (кн. XI, гл. III.), что: «вольность не состоит в делании того, чего хотим. В Государстве или в гражданском обществе, говорит он, где есть законы, там вольность может состоять только в воз-можности делать то, чего должно хотеть, и в непринужденности делать то, чего не должно хотеть. Надобно запечатлеть, присовокупляет он, в уме своем, что такое значит независимость, и что есть вольность. Воль-ность есть право делать все, что законы позволяют; и если бы гражданин мог делать то, что они запрещают, то бы он не имел уже вольности, пото-му что и другие равномерно имели бы сию власть». (Примеч. пер.)
Государственная вольность, говорит сверх того *Екатерина II* (Наказ гл. V, и 39) во гражданине есть спокойствие духа, происходящее от мнения, что всяк из них собственной наслаждается безопасностью; и чтобы люди имели сию вольность, надлежит быть закону таким, чтобы один гражданин не мог бояться другого, а боялись бы все одних законов. <...>

*** См. Пуффендорфа, кн. VIII, гл. V, §3. ⁸

**** Здесь в подлиннике вместо: un droit supérieur à la force et à l'oppression, т. е. право, и везде, высшее силы и угнетения. <...>

Кто бы осмелился утверждать без нарушения истины, что здесь Правительство, зная и желая, препятствует делать то, чего требует польза и закон государства, что оно принуждает кого бы то ни было к таким делам, кои очевидно противны оной пользе и законам, или отказывает в покровительстве и правосудии, должных всякому гражданину?

Может быть, неизвестно было, что Россия во всякое время имела почти такие же законы, какие были и в других северных странах, и что Государи сей Империи ни о чем столько не пеклись, как о доведении их до высочайшей степени совершенства. Со всем тем, это подтверждается уставами, заключающими в себе сии законы, кои в разные времена выходили один за другим*.

Что касается до собственности имуществ, я считаю себя обязанным несколько распространиться о сем драгоценном знаке гражданской вольности.

Различие между недвижимыми имениями каковое видим в тех странах, в коих государи ввели поместья, находится и здесь. В те веки, когда деньги были редки, не имели средства, приличнейшего к содержанию или награждению лиц, служивших государству, как давать им земли, и обладание оными сопрягать с продолжением их службы и верности. В сих самых видах государи сей Империи, распространяя более и более границы свои, судили, что не можно сделать лучшего употребления из сих приобретений, как разделив большую часть оных, на правах поместий, дворянству, которое в прошедшие времена обязано было служить государству, и ходить на войну на собственном своем иждивении.

* Их считается до пяти. Первый написан в царствование Великого Князя *Ярослава* в 1017 году; второй, называемый «Судебником, или Руководством для судей», в царствование Царя *Иоанна Васильевича*, в 1559; третий, под заглавием «Уложение или Постановление», написан во время Царя *Алексея Михайловича* в 1649; четвертый, под заглавием «Указы или повеления», при Императоре *Петре Великом*; а пятый под тем же названием, в царствование Императора *Петра II* и Императрицы *Екатерины II*. Три последние Устава (Codes) напечатаны и ныне находятся в употреблении. Кроме сих Уставов, есть здесь довольно великое число Указов и учреждений, кои еще не собраны. Царствующая Императрица, беспрерывно пекущаяся о счастье своих подданных, в 1753 году повелела составить «Новое Уложение», для сообщения прежним большей сообразности и совершенства: ожидают, что Комиссия, учрежденная для сего под управлением знаменитого Графа (напечатано *Ивана*, а поправлено: *Петра*, и справедливо) *Шувалова*. (Прим. изд.) <...>

Сии земли, называемые *поместьями*^{*}, переходили во владение только мужеского пола, и жалованные грамоты, уполномочивавшие во владении оными.

Должно было возобновлять при выбытии каждого владельца. Но число сих земель хотя превосходило число *белых поместьев*, (*aleux*)^{**}, называемых отчинами и вотчинами^{***}, кои переходят к обоим полам и кои можно перекреплять; однако сии последние существовали здесь во всякое время.

Что касается до земель ленных (*féodales*)^{****}, надобно знать, что в 1731 году, все они обращены в беломестья (*en aleux*), дабы прекратить споры и иски, кои причиняемы были различием и разделением сих двух родов имения, так что ныне известны здесь одни только собственные поместья.

Те же самые доказательства, коими пользовался я для доказательства, что Россия вовсе не деспотическое государство в истинном знаменовании сего слова, довольно открывают свойства и мудрость учрежденного в ней правления, и не позволяют смешивать оную с государствами варварскими и несовершеннолетними, на кои М.[онтескье] распространил смысл сего слова.

Письмо шестоенадцать.

Для исполнения моей обязанности, мне остается только внимательнее рассмотреть те статьи, в коих г. М.[онтескье] именно упоминает о России и против коих еще говорил я только издали.

* Слово сие означает место, на котором кто живет. (*Примеч. соч.*). Обычай делить завоеванные земли и другие добычи, полученные от неприятеля, со своими воинами, и Русских Государей издавна ведет свое начало. <...>

** Беломестцами или белопоместными назывались те, которые имели земли наследственные, но никаких податей не платили, токмо служими. Они своих земель продавать не могли, разве между собой. Сих беломестных сперва Царь Иоанн Васильевич населил полками из солдат и других военных на Украине, а более Царь Алексей Михайлович после Польской войны, не хотя содержать солдатство на жалованье. Об них Указ состоялся 9 декабря 1627 года. (См. Указ. Росс. Зак. Максим. Ч. I, стр. 321).

*** Слово сие происходит от отец, и значит родовое имение, отцовское наследие (*patrimone*). (*Примеч. соч.*) <...>

**** Под сим должно разуметь поместья, кои приводимым здесь Указом не велено различать с вотчинами.

Вот первая статья*: «Посмотрите, говорит он, с каким тщанием Московское Правление ищет выйти из деспотизма. Который тягостнее ему, нежели самим народам. Большие корпуса войск уничтожены**; наказания за преступления уменьшены***; учреждены Судилица****; начали познавать законы*****; просвещали народы. Но есть, присовокупляет он, особенные причины, кои, может быть, доведут оное до несчастья, коего желало бы оно избегнуть». В другом месте***** М.[онтескье] изъясняется вразумительнее: «Московия, говорит он, хотела бы низойти со своего деспотизма, но не может».

* Кн. V, гл. XV.

** Стрельцы не составляли больших корпусов войска относительно к армиям, коими они заменены. Странно, что М.[онтескье] мог думать, будто Петр Великий уничтожил сих ратников с тем намерением, чтоб ограничить свою власть. (*Примеч. соч.*)

*** В сей Империи наказания всегда были кротче, нежели в большей части других европейских государств, и донныне еще не уменьшены, потому что законы, коими оные установлены, существуют и ныне. Можно даже сказать, что касательно некоторых прежде бывших неизвестными или случавшихся не столь часто преступлений. Наказания умножены во времена последних Государей. Правда, что царствующая Императрица, дабы исполнить обет, данный ею при восшествии на Престол, повелела приостановить исполнение законов, предписывающих смертные казни, но тем их не уничтожила. (*Примеч. соч.*)

Законы о наказаниях у нас были кротче или строже, смотря по духу времени и свойствам преступлений. <...> Сверх того Государи Российские всегда предоставляли себе право облегчать приговоры, на строгости законов основанные.

**** Здесь всегда были Судилица и Судебные палаты, называвшиеся Судами и Приказами, между коими в старину называемый Боярским судом, а в последствии Разрядной палатой, был главным над всеми прочими судами. Достойно примечания, что в сей Империи приговоры верховных судов начинались формулой, подобной той, которая некогда употребляема была во Франции: *Nous avec 'nos Grands avons jugé à propos, d'ordonner, etc.* Государь приказал и бояре приговорили, и пр. Все сии суды и приказы существовали до 1714 года, в коем Император Петр Великий учредил другие, и дал им в то же время другие названия. Прим. Соч. Какие в древние времена в России были суды и приказы, о том ничего достоверного в летописях не находится <...>

***** Из предшествовавших замечаний сочинителя и моих довольно видеть можно, сколь ложно показание Монтескье, что Русские только в его время начали познавать законы.

***** Кн. XX, гл. II.

Я не стану уже повторять, что Россия никогда не была деспотическим государством, и во все времена управляема была истинными монархами. Думать противно сему, может заставить единственно то, что дух и нравы в ней были в таком же состоянии несовершенства, как были и у многих других народов, кои пред россиянами имели только то преимущество, что имели счастье скорее выйти из оногo. Таким образом весьма известно, что в сей Империи не случилось другой перемены, кроме касающейся до усовершенания ее народов, сопряженного с усовершенанием всех частей правления.

Отсюда произошло учреждение Сената, преобразование судебных мест, основание школ и академий*, учреждение новых воинских корпусов, сооружение флота, поощрение торговли и художеств, издание множества законов, относящихся к сим новым распоряжениям.

Со всем тем Петр Великий никогда не думал ни мало дотрогиваться до образа правления, найденного им в сей Империи, которое даже поставляло его в возможность делать чудеса, коими заставил Он удивляться себе все народы, и кои далеко превышают действия власти ограниченной.

Когда он в другом месте**, говорит, что другое северное царство «потеряло свои законы; можно положиться на климат; оно потеряло их не невозвратно; в том обмануться не можно»; то сие значит, что влияния севера рано или поздно, возвратят Дании прежний ее образ Правления***. Но что касается до России, в ней

* В подлиннике сказано: d'une Académie, Академии; а поправил кто-то des Académies, Академий, справедливо; ибо Петр Великий в 1724 основал в Санктпетербурге Академию Наук, которая, по смерти его, открыта Императрицей Екатериной Алексеевной 21 Декабря 1725; а в 1758 году Императрица Елисавета Петровна в С. Петербурге же основала Академию Художеств, учредив прежде того (в 1755 г.) в Москве Университет с двумя гимназиями.

** Кн. XVII, гл. IV. (Примеч. соч.)

*** Кажется, Монтесью не знал древнего состояния Северных царств. Стоит только посмотреть, что такое ученый г. Вахтер замечает о сем в своем Glossarium Germanicum, стат. König, стр. 868. Вот собственные слова его: "De his (Danis) et omnibus septentrionalibus valet ab antiquo quod Tacitus scribit de Suionibus (Cap., XLIV): Unus imperitat, nullis jam exceptionibus, non precario jure parendi", ⁹ etc. (Примеч. соч.)

Многие вещи, говорит бессмертная Екатерина II, господствуют над человеком: вера, климат, законы, правила, принятые в основание от Правительства, примеры дел прешедших, нравы, обычаи (Наказ Комис. о соч.

нет не только самых действительных причин, коим М. приписывает деспотизм: жаркого климата, следовательно Религии, допускающей насилие, недостаток законов, Судилищ, и дворянства, уныние и робость народов, жестокость, негу, и неспособность Государей и их Министров; но в ней ныне* видно еще все то, что, по его мнению, противно сему роду Правления: северный климат, Христианская вера**, законы, Суды, дворянство, неустрашимость народов, снисходительность, мужество и просвещение в государях и искусство в их министрах.

Перехожу к той статье, в которой М.[онтескье] утверждает, что в России народ состоит из одних только рабов, прикованных, так сказать, к землям, и рабов, называемых духовными, (ecclesiastiques) и дворян (gentils-hommes), потому что они суть господа сих рабов***. Из чего заключает он, что никого не остается

пр. и Ул. Гл. VI, т. 45). Многие вещи, говорит Премудрая [Императрица], а не один климат, равно как и не одна вера. Не одни законы, и пр. имеют влияние на успехи образованности.

* Сочинитель наречием: actuellement, кажется, хочет дать заметить, что он говорит здесь только о том времени, в которое он писал свои письма, т.е. в царствование Императрицы Елисаветы Петровны. Конечно, нельзя быть столь пристрастным к своему делу, чтоб, вопреки истории, утверждать существование всех упоминаемых им обстоятельств в нашем отечестве во все времена; но какое государство похвалиться может постоянным обладанием оными? Не восходя к давним временам, вспомним времена Петра Великого, Екатерины I, Елисаветы Петровны, Екатерины Великой, Александра Благословенного. Кто из Россиян не произносит сии священные имена с чувствами глубокого благоговения и благодарности за все попечения их о благоденствии России? О царствовании же Императрицы Елисаветы, во время коего письма сии изданы, не может быть свидетельства лучшего, как самой Екатерины Великой. Двадцать лет, говорит Она, государствования Императрицы Елисаветы Петровны подают отцам народов пример к подражанию изящнейший, нежели самые блистательные завоевания. (Нак. [аз] К. С. З. гл. X, стр. 210).

** В книге XXIV, гл. III, М.[онтескье] сознает, что христианская вера удалена от чистого деспотизма, и между прочими представляемыми им причинами приводит то, что сия вера запрещает многоженство: причину, которой Политики донныне конечно не ведали. Потом он замечает, что не смотря на величие Империи и порок климата, религия воспрепятствовала деспотизму утвердиться в Эфиопии, и в Африку внесла нравы и законы Европы, «т. е. по моему мнению, произвела новые чудеса». И так, по мнению М.[онтескье], сия превосходная религия имеет менее действия на Севере, нежели на Юге, хотя и менее находит там препятствий и более помощи. (Примеч. соч.)

*** Как понимать слова Монтескье? Под esclaves attachés aux terres, верно разумеет он помещичьих крестьян; но под esclaves qu'on appelle Ecclésiastiques,

для третьего состоянія, которое должно образовать ремесленников и купцов*.

Я неоспоримым образом доказал уже вещественное различие, находящееся в сей Империи, так как и во всех других государствах, в коих находится рабство, между вольными лицами и рабами. Посему довольно будет доказать, что в России точно такое же дворянство, как по своей природе оно и везде, где только оно находится; что его отличают от рабов** и третьего состоянія одни только особенные права и преимущества, получаемые им от государей, а не право иметь рабов, которых здесь имеют все вольные лица***, кои, не считаясь дворянами, имеют столько достатка, чтобы их приобрести; что дворянство российское никогда не лишалось своих прав; и что города и местечки в сей стране наполнены ремесленниками, купцами и различными людьми, не заключающимися ни в дворянстве, ни в духовенстве.

(Продолжение впредь.)

неужели разумеет он крестьян, принадлежащих монастырям? При утвердительном смысле сих слов, нельзя крестьян сих отнести к крестьянам, кои принадлежат дворянам, как то из последующих слов заключать можно. Или не разумеет ли он под сим духовенства?

* Вот Монтескьё оставил нас и без ремесленников и купечества, между тем, как мы имели их в самые древние времена. Еще в «Русской правде» находим мы статьи о купце и ремесленниках (Ст. XXII и VIII).

** В свое время (в XVI веке) Герберштейн¹⁰ также утверждал, что рабство, несовместное с душевным благородством, было общим в России: ибо и самые вельможи назывались холопами Государя. «Но имя не вещь, говорит бессмертный историограф [Жуковский]: оно изображало только неограниченную преданность россиян к Монарху: а в самом деле народ пользовался гражданской свободой. Рабами были единственно крепостные холопы, или дворовые или сельские потомки людей купленных, военнопленных, законом лишенных вольности. В XI веке они не имели у нас ни гражданских, ни человеческих прав (так и в древнем Риме): господин мог располагать ими, как собственностью, как вещью; мог своевольно отнимать у них жизнь, никому не ответственю. Но в сие время — или в XVI веке — уже одна государственная власть смертью казнила холопа, следственно уже человека. Уже гражданина, покровительствуемого законом (И. Р. Г. т. VII. стр. 212 и 213).

*** Всякое вольное лицо может иметь у себя крепостных людей; даже и крепостные богатые, как напр. крепостные Графа Шереметева, сами имеют у себя крепостных; только совершать купчие крепости на них не имеют права; покупают же сих таковые лица на чужое имя, т.е. на имя того, кто имеет право крепить их за собой.

Письмо седьмоенадесять.

Вы знаете, что древние северные народы, которые были, так сказать, отцами дворянства, известного в Европе, называли дворянами лица, важнейшие по их рождению, достоинствам и пространству их земель.

Ясно, что Тацит, сообщая нам, что германцы избирали для себя царей из дворянства, а вождей или военачальников из лиц, наиболее уважаемых по воинским своим добродетелям*, не мог под сим словом разуместь что-либо другое.

Таким образом сей смысл имеет только отдаленное отношение к тому, который в последствии соединяли с сим же словом. Его нечувствительно распространили на все лица вольно рожденные, кои, занимаясь у сих народов только войной**, и служа своим государям, почитались как бы военными и придворными. Отсюда происходит, что на французском языке наименования de Noble Gentilhomme, кавалера de Chevalier, (miles, eques), барона***, вассала****, а на языке тевтонском названия Edelman****,

* Reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt (De Mor. Germ. cap. XIV)¹¹. (Примеч. изд.)

** Nec arare terram, aut exspectare annum, tam facile persuaseris, quam vocare hostes et vulnera mereri: pigrum quin immo et videtur, sudore acquirere, quod possis sanguine parare (Ibid.)¹². То, что Иродот [т. е. Геродот] заметил о нравах других народов, заслуживает быть здесь приведенным. «Скифы, говорит он (кн. IV, гл. CLXVII), Персы и большая часть варварских народов почитают низким народом тех, кои учатся какому нибудь ремеслу сами и учат детей своих. Кто же не занимается никаким промыслом, те почитаются благородными, наипаче те, кои назначили себя для войны». (Примеч. изд.)

*** Слово сие происходит от цельтского [т. е. кельтского] имени Glor, Vair, Var, Ваг, которое означает: человек (vir), муж. По-Русски господина называют барином, что, вероятно, есть одно и то же слово.

Барин, по моему мнению, есть испорченное слово «боярин», которое Н. М. Карамзин производит от боя. «Оно могло, — как он говорит, — означать в начале своем война отличной храбрости, а после обратилось в наружное достоинство» (И. Р. Г. ч. I, стр. 75). — Максимович уверяет, что боярин есть испорченное слово сарматское: боярин или поярин, означающее умную голову, или мудрого человека (Указат. Ч. I, стр. 320)¹³.

**** Сие слово есть также цельтское, и происходит от гвас или вас, раб. (Примеч. изд.)

***** Слово Adel, Odel, Edel, происходящее от Atta, Этта (Oetta), отец, от коего образовалось Attalingt, Adelin, Edeling, Edelman, совершенно соответствует слову патриций или дворянин (gentil-homme), gentilis. Не видно, чтобы Германские народы, для означения благородных лиц, употребляли слово,

Ritter*, Mann** и Knecht***, наконец сделались однозначными (synonymes), хотя сами собою они не имеют одинакового значения. В одной только Англии делают еще существенное различие между Noblesse и Gentillesse****.

Из сего удостовериться можно, что название дворянина (de Noble), взятое и в последнем смысле, лицам, кои оным украшены, не давало других прав и преимуществ, кроме тех, чтоб быть отличену вольным рождением, свойством должностей. Ими испосняемых, почестями или достоинствами, сопряженными с сими должностями, преимуществами или поместьями, пожалованными им от верховных властителей, и изъятием от личных податей. Предложенное мною здесь сведение о происхождении и отличительном признаке северного дворянства, может дать вам точнейшее понятие о дворянстве, какое во все времена находилось в сей Империи. Из летописей сего государства мы знаем, что в нем были великие князья; сей титул был даваем государям (Souverains)****. Князья, вельможи (les Seigneurs), или лица, проис-

имеющее точно такой же смысл, какой имеет оно на языке Латинском, откуда оно происходит. <...>

* Слово сие означает коннаго воина, рыцаря (un cavalier). Произведение слова князь от коня, как думает г. Карамзин, сходствует с происхождением франц. слова cavalier, от cavale — кобыла, chevalier от chevale — конь, и немецких: reiter — конный воин, всадник, от reiten — ездить, откуда Ritter и наш рыцарь.

** Слово сие собственно значит муж, и принимается также за лице, которое служит. (Примеч. изд.)

Слово «муж» и у нас означало боярина или вельможу. «Аще убьет муж мужа, то мстити брату брата» (Правда Русс. § 1. См. также Указ. Максимов. ч. I, стр. 9 и 348).

*** Сие слово значит раб, или слуга. Еще употребляли слова Vegen, Tlegan, Thegu, происходящее от dienen, deinen — служить.

**** Сие слово употреблялось некогда вместо Noblesse. Англичане преобразовали его на gentry. Я присовокуплю здесь примечание г. Амелота де ла Гусе¹⁴ о следующей надгробной надписи Бертрану дю Геклену¹⁵: «Здесь лежит благородный человек» и пр. — *Cygist Noble homme etc.* Она показывает, что отличие, о коем здесь говорится, некогда также было в употреблении во Франции: «В это время, говорит сей автор, титул благороднаго даваемо было только большим боярам. Графы Фландрский, Шампанский, Бриенский, и даже Герцоги Бретанские титуловались только благородными людьми (Nobles hommes), а знаменитейшие Принцессы Благородными женщинами (Nobles femmes). (См.: Mémoires historiques et politique, tom. I. Art. Bertand du Guesclin, p. 554). (Примеч. соч.)

***** В северных историях первым вельможам сей империи дают титул кунгар.

шедшие от знатных фамилий, и дворяне*, придворные люди (les gens de Cour), или лица вольного рождения и отличные от прочего народа, как свойством службы их государям, и достоинством, сопряженным с сим служением. Так и поместьями и увольнением от налогов, чрез то ими заслуженными.

И так несомнительно то, что князья и дворяне, с самого учреждения монархии, пользовались здесь так как и ныне пользуются, всеми правами и всеми преимуществами, каковые дворянство (la Noblesse) доставляет само собою, и что в сем отношении они совершенно равны с древними дворянами (Nobles) всех других государств.

Я перехожу к лицам, составляющим здесь третье состояние (le Tiers-Etat). Они разделены на разные разряды, в коих называемые Посадскими людьми**, живущие в городах, посему тоже самое значат, что наши Bourgeois (мещане); они составляют значительнейшее число, потому что в нем заключаются купцы.

Число сих лиц с совершенной точностью можно узнать из переписей, от времени до времени здесь делаемых по случаю счисления людей, платящих подати. Я хотел сим средством узнать о том, и мне показали, что в 1745 году было их 279 545; что довольно доказывает недочет М.[онтескье].

Скажу еще одно слово о следствии, какое г. М.[онтескье] позволил себе извлечь из безрассудства, с каковым одна дворянская фамилия сей страны, по кончине Петра II, хотела возвести на престол на условиях, непринятых народом, Принцессу (Царевну)***, которой, по порядку наследства, оный не следовал. То есть, что

* Сие слово произведено от слова «двор, дворец». Означающего чертоги или дворец государев. Их называют также «шляхтичами», словом составленным из Немецкого слова sleght или geschlecht. Во Франции некогда называли их вассалами, людьми придворными, государевыми (Hommes de la Cour du Seigneur). (Примеч. соч.)

** Слово сие буквально означает людей, живущих позади, подразумевая: города (Suburbani). (Примеч. соч.)

*** Сочинитель разумеет под сим принцессу Анну, дочь Царя Иоанна Алексеевича, вдовствующую Герцогиню Курляндскую, а под дворянской фамилией разумеется фамилия Князя Долгорукого, из коей князь Василий Лукич поднес акт на избрание ее в Императрицы России, ограничивающий ее акты. И составленный будто бы по воле целого народа, который ею и подписан был; но после, в присутствии вельмож Матвеева, К. Долгорукова, вышеупомянутого графа Остермана и других, акт сей ею разодран, по объявлении ими, что он противен общему желанию..

сие следствие совершенно походит на гадания. Основанные на мечтательных предположениях. Что Московское дворянство, — это выражение г-на М.[онтескье], — приведено в рабство одним из его государей, в сем всегда видны будут черты нетерпеливости, коих южный климат не сообщает*. Весьма известно, что никогда не видно было подобного угнетения, а еще гораздо менее чувствований, кои М.[онтескье] из оного выводит.

По крайней мере, я не могу представить себе, чтобы кто-либо здравомыслящий мог применить имя рабства к обязанности, каковую Император Петр Великий, видя малое попечение о воспитании юношества. Заблагорассудил возложить на дворян своей Державы, учиться первым основаниям наук**, и в известном возрасте представляться в Сенат на испытание, и потом получать должности, к которым сие почтенное Судилище может найти их способными. Таковое принуждение большую ли заслуживает укоризну, нежели та строгость, которую всякий благоразумный отец употребляет для успешного образования ума и сердца своих детей? Кто думал когда-либо, что вольность гражданина состоит в преимуществе провождать жизнь в грубом невежестве, или в постыдной праздности? Думал ли Ликург поработить своих сограждан, когда мудростью и строгостью своих законов принудил их сделаться храбрейшими всех людей?

(Продолжение впрод.)

* Кн. XVII, гл. V. Если бы г. М.[онтескье] сказал, что в северных странах знакомство и соседство умеренных государств могут внушить охоту им подражать; напротив, в южных странах отдаленность и невежество сих самых государств препятствуют о том думать, то бы он, по моему мнению, сказал что-нибудь гораздо благовиднейшее. (Примеч. соч.)

** В 28 д. февраля 1714 года Петр Великий указал во всех губерниях, дворянских и приказного чина, дьячих и подъяческих детей, от десяти до пятнадцати лет, опричь однодворцев, учить цыфири, и некоторую часть геометрии, и для того учения послать математических школ учеников, по несколько человек в губернию ко Архиереом, и в знатные монастыри и пр. В 18 января 1716 года Указ сей подтвержден, и для учения велено взять из школы от адмирала графа господина Апраксина таких, которые географии и геометрии выучили, и послать во всякую губернию по два человека. <...> Из сих выписок ясно видно, что Петр Великий прилагал попечение о просвещении не одних дворян, но и прочих сословий, и употреблял меры самые кроткие, поступая действительно так, как благоразумный отец поступает с детьми, непонимающими собственной пользы от наук, и потому не охотно ими занимающимися.

Письмо восемнадцатое.

В том месте, где г. М.[онтескье] говорит о российской торговле, находится новое возражение против вольности жителей сего государства.

Все подданные сей страны, говорит он, как невольники, не могут выйти из нее, ни вывезти своего имущества, без позволения*.

Я начну исследованием, доказывают ли законы государств, препятствующие подданным удаляться из них без особенного позволения государева, — что в таких государствах нет гражданской вольности.

Гроций¹⁶ и Пуффендорф рассуждали о сей материи с великим тщанием. Первый велеречиво упоминает о России. «Мы знаем, — говорит он, — что есть народы, у коих запрещено выезжать из государства без позволения, и не отрицаем, что не можно было входить в гражданское общество под сим условием, и чтобы даже введенный на то обычай не мог иметь силы договора.

Надобно заметить правило, предписанное естественной справедливостью, которому следовали римляне в разрушении частных обществ: оно состоит в том, чтоб не выходить из государства, если польза общества требует того, чтоб в нем оставаться»**.

Пуффендорф следовал тем же началам***. «Когда человек, говорит он, сам собою отказавшись от независимости естественного состояния, добровольно вошел в состояние гражданское: то от законов страны зависит свобода, которую может он иметь, чтоб удалиться в другое место. Есть государства, из коих недозволено выходить без особенного позволения государства; в других не можно иначе получить сие позволение, как давши, напр. некоторую сумму денег, или оставив часть своего имущества. В Аргосе, под лишением жизни, запрещали законы оставлять сию страну. Но если нет где на то законов, то по обычаю, или по свойству общих обязанностей подданных надобно судить там о вольности, каковую каждый имеет в сем отношении»¹⁷.

Решения сих двух великих мужей, кажется мне, столь сообразны с здравым рассудком и с первыми правилами здоровой Политики, что нельзя не удивляться, как г. М.[онтескье] в самых

* Кн. XXII, гл. II. (*Примеч. соч.*)

** [О праве войны и мира]. Кн. II, § 24. (*Примеч. соч.*)

*** Кн. VIII, гл. XI, § 2.

существенных обязанностях, принимаемых свободным человеком при вступлении в гражданское состояние, мог найти жестокие действия деспотизма, не остановив своего внимания на причинах, кои запрещение оставить государство, по своему желанию, могут сделать полезным или бесполезным благу такового государства.

Если бы М.[онтескье] захотел обратить внимание на обширное пространство сей империи и на плодородие ее земли, то бы не только не стал осуждать законов, запрещающих туземцам удаляться из оной без согласия своих начальств, но еще не преминул бы признать их весьма мудрыми и выгодными в таком государстве, в коем не можно довольно употребить попечений для предупреждения обезнародования в оном.

Не видим ли мы, что и во всех других странах Европы вольность, коею подданные пользуются в выходе из оных, более или менее ограничена законами, по мере отношения, какое имеет она к настоящим нуждам и пользе государства, и что, может быть, нет ни одного, в коем бы не было запрещено известным разрядам лиц оставлять оное без ведома и согласия правительства, и лица сии чрез то не лишаются участия в гражданской вольности столь же совершенным образом, как и их сограждане? Кто бы смел утверждать, что сенаторы в Польше, дворянство в Пруссии, прелаты во Франции*, и матросы в Англии, потому, что не могут удалиться их своего отечества без позволения, не столь свободны в отношении к своему состоянию, как другие подданные сих королевств?

По мнению М.[онтескье], не было бы раба достойнее сего имени, как человек военный, градоначальник, министр, и человек самый вольный был бы именно тот, от коего государство получает наименее пользы, о коем следственно наименее оно беспокоится.

Перехожу к замечанию г-на М.[онтескье] о вывозе имуществ, который почитал он также запрещенным в сей Империи. Поелику здесь речь идет о самом действии, то мне следует только припомнить то, что каждому может быть известно. В самом деле, купцы всех стран Европы, кои вывозят отсюда всякие произведения, или нагружают ими собственные свои корабли, ужели не знают,

* «Прелаты Галликанской Церкви, хотя бы они требуемы были Папою, не могут выехать из Королевства, без повеления, позволения или отпуска Королевского» (См. Mémoires et Avis sur les libertés de l'Eglise Gallicane de Mr. du Tillet.). (Примеч. соч.)

что правительство не только не делает в том препятствия, но и всевозможно старается облегчить вывоз оных?

Что касается до денег, здесь не было никакого закона*, запрещающего перевод оных в чужие края; только бы не выпускали их выше известной суммы, как то делается во многих других торговых странах. Думал ли бы М.[онтескье], что русский, который нажил долги вне своего отечества, не был бы принужден самыми законами сей страны послать отсюда суммы, требующиеся на уплату оных, если он их имеет, или продать свое движимое и недвижимое имение, для обращения его в деньги, посредством коих мог бы он удовлетворить своих заимодавцев, где бы они не находились?

Я помещу здесь статью, в которой г. М.[онтескье] упоминает о таком изгнании жидов или евреев, о коих здесь никогда не слышно было. «В 1745 году, говорит он, царица (la Czarine) издала повеление выгнать жидов за то, что они в чужие края перевели деньги сосланных в Сибирь и иностранцев, находившихся в службе**.

Действительно, жида в сей Империи никогда не были терпимы. В сем городе*** был только один жид, по имени Либман, который приехал сюда в 1721 г. с небольшим числом служителей, в свите одного Немецкого Принца, который в сем городе на несколько времени останавливался. Этот жид, коим были очень довольны, выехал отсюда в 1741, не будучи выгнан. Но неправда, будто этот жид перевел в чужие края деньги тех лиц, о коих говорит М.[онтескье]. В нем не было надобности для та-

* В Указе апреля 6 дня 1714 года, по именовании товаров, какие запрещено было вывозить за границу, и какие позволено, сказано: «токмо смотреть того, чтоб медных, также и Русских серебряных денег в Россию не возили: ибо между привозными являются многие фальшивые мелкие серебряные деньги, которые без всякого заводу чеканят молотками. А покупали б чужестранные купцы у Русских купцов товары на свои деньги, а не на Русские. Тако ж и серебра всякого, как в деле, так и лому, под вышешюманутым штрафом (т. е. что будет взято в казну) за рубеж отнюдь не отпускать».

** Кн. XXII, гл. II. (*Примеч. соч.*). Чтобы за такую причину жида были когда-либо, не только в 1745 году, изгнаны из России, по Истории нашей не видно. Но в 1745 году марта 19 дня Всемилостивейше пожалован новокрещенный из еврей Василий Алексеев сын Вагнер и с детьми его в Российское дворянство. Также сентября 26 того же года двадцать пять жидов, прибывших из-за Польского рубежа к разным Российским форпостам, крещены в Греко-Российскую веру, по неотступной их о том просьбе.

*** Под сим городом без сомнения разумеется Петербург. Из сего места видно, что Сочинитель писем, когда писал их, находился в Петербурге.

ковых переводов; ибо город наполнен купцами, из коих многие торгуют деньгами.

Одно только справедливо то, что не смотря на особенные и часто повторяемые законы в предшествовавшие царствования, запрещающие жидам вход в сию страну, несколько их вкралась в Украйну и в города пограничные с Польшей: что заставило правительство Указом 1742 года возобновить те, о коих выше сказано*.

По сему вы сами можете судить о последствии, которое М.[онтескье] выводит из сих ложных предположений о мене и торговле сей империи вообще; и бесполезно было бы вам доказывать содержанием законов, обнародованных в большом числе по сему предмету, что в них ничего не забыто для покровительства и процветания торговли теми же самыми средствами, кои для сего употреблены были в странах, в которых ей наиболее благоприятствуют.

Письмо девятоенадцать.

В следующей статье г. М.[онтескье] восстает против закона, который много содействовал к счастливому перевороту, случившемуся здесь в нравах.

«Закон, говорит он, заставлявший московитян брить бороды** и обрезать платье, и принуждение Петра I укорачивать до колен длинное платье у тех, кто приходил в город, были тиранские. Есть

* В России евреи никогда не были допускаемы к поселению, и правило сие от самых древних времен наблюдалось. Где только ни появлялись они, отовсюду мерами строгости немедленно были удаляемы. <...> В нояб. 9 д. 1802 года Высочайше учрежден Комитет для составления «Положения о евреях», каковое «Положение» составлено и Высочайше утверждено в 9 д. Декабря 1804 года. Сим «Положением» постановлено: детей Евреев принимать и обучать, без всякого различия от других детей. Во все Российские народные училища, гимназии и университеты и в Санктпетербургскую Академию художеств. Все евреи разделены на четыре класса: а) земледельцев; б) фабрикантов и ремесленников; в) купечество и г) мещанство, и каждому из сих классов даны особые права и преимущества, каковые даровать свойственно было только великодушию незабвенного Александра.

** Указом Декабря 29 д. повелено, «чтоб Русским никаким платьем и сапогами не торговали, и никто такова платья и бород не носили по прежнему Его Императорского Величества Указу 1713 года, декабря 17 числа». <...> Не беру на себя обязанности защищать и оправдывать все, что ни делано было Петров Великим: нововведения имеют свои выгоды и невыгоды. Но из первого приведенного здесь Указа видно уже, что такое принуждало

средства, присовокупляет он, воспятить преступления: т. е. наказания. Есть средства переменить обычаи, т. е. примеры. Петр I, вводя нравы и обычаи Европы в народе европейском, нашел такие удобства, каких он сам не ожидал... Посему, он не имел надобности в законах для перемены нравов и обычаев своего народа. Ему следовало бы только внушить другие нравы и другие обычаи»^{*}.

Почти всегда удаляемся мы от истины, когда хотим отвлеченными и общими наблюдениями решить о свойстве, нравах и действительном состоянии разных народов, населяющих землю. Один искусный ученый утверждает, что «состояние воздуха, приличное возделыванию наук и изящных искусств, может заключать в себе двадцать или двадцать пять степеней широты...». Другой^{**}, обманутый началами г. М.[онтескье], предпринял математически доказать, что «в России случились бы новые перевороты, если бы в самом деле введены были в ней учреждения, противные деспотизму; как напр. Сенат». Если бы первому известно было, что изящные искусства, а особливо поэзия, начинают в сей Империи процветать^{***}; а другому, что почтенное Судилище, о бытии коего он сомневается, учреждено уже более сорока лет тому назад^{****}, и остается донныне без всякой перемены: то не должен ли бы стыдиться безрассудных своих решений?

Я не стану скрывать, что выводы, извлеченные г. М.[онтескье] из силы климата, равномерно показались мне обидными и легкомысленными. Что такое можно думать, когда с одной стороны сей Писатель выдает за правду, что «Азиатские и южные народы ленивы, робки, изнежены и природою образованы для правления деспотического; что в историях сих стран не можно найти ни одной черты, означающей свободную душу»; а с другой стороны читаешь

Преобразителя России прибегнуть к строгим мерам, т. е. презрение торговыми людьми Его по сему предмету Указов.

* Кн. XIX, гл. XIV. (*Примеч. соч.*).

** Остроумный Аббат Дю Бо [18] в своих *Reflexions sur la Poesie et la Peinture*. Par. II. Sect. XVII, p. 159. (*Примеч. соч.*).

*** Г. Ломоносов, который заставил здесь всех удивляться ему своими стихотворениями, родился в окрестностях города Архангельска, и следовательно гораздо за уделом, который дю Бо назначил изящным умам. Вероятно, сему Автору неизвестны были успели некогда сделанные в Поэзии Скальдами, процветавшими в Северных странах а особливо в Исландии. (*Примеч. соч.*). Русским известно, что Ломоносов родился в Холмогорах.

**** Петр I, между прочими присутственными местами, учредил и Сенат.

в известиях достоверных, что Татары, Турки, Аравийцы, Мавры и пр. храбры, неутомимы, упрямы и непокорны; что Мустафа II²⁰ судебным порядком низвергнут, брат его Ахмет осужден к сдаче престола племяннику своему, Магмуду; что в Алжире, Тунисе, Триполи находятся ныне некоторого рода республики под тем же небом и в тех же странах, в коих некогда процветала гордая соперница Рима, и что памятны великие люди, коих Азия и Африка во все времена производили?*

Я сделал сие замечание только для того, чтоб показать вам, сколько г. М.[онтескье] не прав был, что по характеру народов сей Империи и по средствам к усовершению их нравов судил о просвещении, высшем того, какое имел Государь, у них родившийся и одаренный редкой проницательностью. Что такое сказал бы он, если бы мог собственными своими глазами убедиться, что, не смотря на строгость законов Петра Великого, кои в последствии уступили место кротчайшим мерам**, знатная часть бород, кои хотел он уничтожить, перешла от отца к сыну, и, вопреки всем сим распоряжениям, и ныне существует между лицами третьего состояния?

Из сего ясно видно, что правило, г-н М.[онтескье] постановляемое, что для преступлений потребны наказания, а для нравов примеры, подвержено многим изъятиям. Опыт и История всех народов подтверждают, что примеры, кои притом требуют много времени для принесения плода, не всегда достаточны бывают для истребления дурных обычаев, и что, для искоренения оных, законодатели самые мудрые и кроткие прибегали к строгости наказаний.

<...>

И так нет ничего несправедливее, как сметь помрачить память Великого Государя, о коем мы говорим, неприличною укоризною, г-м М.[онтескье] ему сделанною, и которой столько же он не заслужил, как Сезострисы, Моисеи, Миносы, Харондасы, Залевки²², Солоны, Ликурги, коих мудрости и правоте все удивляются и ныне.

* Удивительно, что г. М.[онтескье] не мог вспомнить об *Арбаке*, о *Амане*, о *Датаме*, об *[Г]Аннибале*, не говоря уже о многих государях азийских и африканских, напр. о *Нине*, *Виле*, *Вакхе*, *Сезострисе*, *Кире*, и пр. которые всегда поставлялися на ряду с величайшими людьми древности. Присовокупим к сему храброго и добродетельного *Норадина*²¹, которого Бель (в св. Словаре) столь прекрасно изображает. (*Примеч. соч.*).

** Кто, по упрямству своему, носил бороду, тот обязан был заплатить годовой пошлины пятьдесят рублей.

Я присовокуплю здесь то, что г. М.[онтескье] заметил о равенстве, предполагаемом им в сей стране между наказаниями за воровство и смертоубийство. «В Московии, говорит он, где наказания воров и убийц одинаковы, всегда причиняют убийства»: и в доказательство того ссылается на г-на Перри²³ *. Нельзя сомневаться, что сей повествователь говорит о ворах на больших дорогах, или разбойниках, кои во всех странах наказываются смертной казнью. Если бы он говорил о похитителях, то бы солгал очевидно. По законам сей Империи, простое похищение или воровство наказывается смертью только по троекратном учинении сего преступления**, и никогда не наказывается колесованием, как воровство на больших дорогах.

Притом несправедливо то, будто здесь воры всегда причиняют убийства. Этого почти никогда не бывает, когда они не находят сопротивления, или не имеют какой особенной причины бояться, что теми, кого они грабят, донесено будет на них в Суде. В сих случаях все воры на земле, вероятно, приняли одно и то же правило, и лучше убивают, нежели чтоб остатком человеколюбия подвергать себя явной и жестокой смерти.

Письмо двадцатое.

Я приступаю к последней статье, вами мне указанной, которую г. М.[онтескье], как он говорит, заимствовал из донесения г. Перри.

«Сей Царь (это собственные слова его) издал новое повеление, не прежде подавать ему просьбы, как по двукратной подаче оных его чиновникам. В случае отказа в правосудии, можно подавать третью просьбу, но под смертной казнью того, кто окажется виноватым. После сего никто не подавал просьбы Царю»***.

* Кн. VI, гл. XVI.

** Так по Уложению Царя Алексея Михайловича (Новоуказных Статей 177 года генваря 22, стат. 8) «а приведут татя, а доведут на него татьбы три, или четыре, или больше, а того татя пытав, казнить смертью, хотя он и убийства не учинил, а животы его отдать истцом в выть; но последующими законами сие отменено и пояснено: за что и какое наказание производить» (Указы 1781 Апреля 3, 1799 Июля 31, 1802 Мая 16), да и вообще смертная казнь в отечестве нашем издавна отменена²⁴. Что ж касается до положения за воровство на больших дорогах, такого закона у нас никогда не было.

*** Кн. VII, гл. XXVI.

Дабы показать ложность сего донесения, к коему г. М.[онтескье] присовокупил и свое, долгом поставляю сообщить вам верный перевод двух Указов, относящихся к прошениям, из коих первый обнародован в 1714, а последний в конце 1718 года после того, как г. Перри оставил уже сию страну*. <...>

Сравнивая слова первого Указа, о коем одном г. Перри мог иметь сведения, с извлечением, которое г. М.[онтескье] из него сделал, тотчас видно, как сие удалено от истины.

Что касается до последнего Указа, хотя он определяет смертную казнь нарушителям оногo, ясно, что это не за то, что они без причины жаловались Государю, но за то, что осмелились свойством своих жалоб, помрачить честь и достоинство такого судилища, в коем лично присутствовал Император, и с коим, как он говорит, разделял попечения Правительства.

Сравнивая слова первого Указа, о коем одном г. Перри мог иметь сведения, с извлечением, которое г. М.[онтескье] из него сделал, тотчас видно, как сие удалено от истины.

Что касается до последнего Указа, хотя он определяет смертную казнь нарушителям оногo, ясно, что это не за то, что они без причины жаловались Государю, но за то, что осмелились свойством своих жалоб, помрачить честь и достоинство такого судилища, в коем лично присутствовал Император, и с коим, как он говорит, разделял попечения Правительства.

Однако ж не худо уведомить вас, что здесь столь хорошо уверены в милосердии наших** Государей, что никому не безызвестна сила подобных угрожающих законов. В самом деле, известно довольно число просителей. Кои, по обнародовании сих Указов, осмеливались приносить жалобы к подножию престола Государева; но никто из них не подвергнут всей строгости взысканий, выше замеченных.

* Сии Указы напечатаны и собраны в книге законов, заключающей в себе Указы Петра I. (*Примеч. соч.*).

Книга сия называется: Указы Петра Великого, состоявшиеся с 1714 по кончину Е. И. В., Января по 28 ч. 1725 г.

** Слово наших и сему подобные, в других местах встречающиеся слова, наводят недоумение, подлинный ли был иностранец, писавший сии письма, или в службе Российской состоял, или же природный Русский, принявший на себя защищать свое отечество против клеветы, которая и в наши времена в чужих краях не умолкает.

Что Император Петр Великий никогда не хотел совершенно отказывать слезам угнетаемых, окончательным доказательством сему служит то, что в 1722 году* он повелел обнародовать новый Указ, в коем повторив, что не взирая на Его Величества Указы и Уставы, многие, мимо определенных им Судов и Сената, продерзостию своею везде докучают, и прошения свои приносят Его Императорскому Величеству самому не дая нигде покою, Он учредил генерал рекетмейстера²⁵, и предписал ему со всей подробностью, что такое должно ему делать для доставления точной справедливости тем, кои впредь будут приносить свои жалобы.

Сверх того, все сии постановления принуждены были несколько раз повторять и изменять, а особливо в нынешнее царствование Августейшей Государыни, которая, соединяя в себе с кровью Царя удивительнейшие качества ума и сердца, почиталась своими народами не столько Самодержицей, как неким Божеством, низшедшим на землю для довершения их счастья: что неоспоримо доказывает, что умеренность и кротость наших Монархов всегда брали верх над строгостью законов, кои, казалось, поставляли слишком тесные границы к изъявлению сих добродетелей.

Теперь я достиг цели моего поприща. И как я имел целью только истину и то, чтобы в точности показать вам оную; то от вас, Милостивый Государь, зависит теперь назначить, до какой степени я в состоянии был оную исполнить**.

* Февраля 23 дня 1722 года. Сколь велико снисхождение было Петра Великого к челобитчикам, сие доказывает одно повторение Указов о неподаче просьб прямо Его Величеству. <...> Вот сколько справедливо уверение г-на Монтескьё, будто по состоянию Указа о неподаче просьб Государям, никто оных уже не подавал. Говорить ли о временах, последовавших после Петра I и Елисаветы Петровны? Кто не знает, что в царствования преемников их не только не запрещалось подавать им просьбы, но учреждались при Дворе особенные ящики, назначены для приема прошений особенные чиновники, а ныне учреждена для того и особенная Комиссия?

** Впрочем, неудивительно, что г. Монтескьё имел столь ложное понятие о нашем Правительстве, законах, обычаях, образовании: Россия в его время не была на такой степени гражданского права, чтобы могла обратить на себя внимание кабинетного, теоретического законодателя и политика. Но вот что удивительно: в наши времена, когда всему свету явлено было свидетельство о нашей недикости, об образованности наших нравов, об умеренности и великодушии наших Монархов и героев отечества, в наши времена народ русский признают погруженным в большее варварство, нежели турки. <...>

Иван Иванович Мартынов
(1771–1833)

Русский филолог и ботаник, переводчик, педагог. Член Российской академии (1807). В 1803 году Мартынов был назначен директором Министерства народного просвещения; содействовал учреждению Педагогического института и многих других учебных заведений. В 1823–1829 годах Мартынов издал 26 томов переводов греческих классиков Софокла, Гомера, Геродота, Пиндара и других. Перевод каждого классика снабжен обширными историко-филологическими объяснениями.

И. И. Мартынов

**Защитение Российского Правления иностранцем
против иностранца с примечаниями Русского**

Автор статей в патриотическом журнале «Сын отечества» 1829 г. отсылает нас к анонимной публикации полувековой давности переводов «Писем» Монтескье и выражает полную солидарность с их настроением и выводами (см. выше фрагмент этого пер. Ф. Г. Штрубе 1760 г. в наст. изд.).

С исторической точки зрения публикуемое сочинение свидетельствует не столько о верности священным основам самодержавия, сколько об остроте *конфликта двух систем права*, которые встретились на русской земле в XVIII столетии.

И. И. Мартынов выказывает хорошее знание норм византийской правовой системы и содержания русских средневековых уложений, а также исторических реалий формирования средневекового европейского права, на которые опирается Монтескье в суждениях о происхождении монархического правления. И читателю предлагается своего рода подмена понятий: историческая *естественность* происхождения российского способа правления противопоставлена прививаемым нормам европейского *естественного* права, которые именно таковым способом из умонастроения сынов русского Отечества на начло XIX столетия не проистекают.

Реформы Петра I причудливо сочетали в себе привычную для православной страны византийскую норму единоначалия и плоды новоевропейской концепции естественного права. Все новшества в XVIII в. насаждались «сверху» с необывальной жесткостью и требовали беспрекословного исполнения нижестоящими, а воплощать в жизнь нужно было европейские ценности, требовавшие внутренней готовности к самостоятельному и свободному развитию, добровольному взаимодействию как рядовых граждан между собой, так и государственных структур с населением, т. е. зрелого гражданского сознания европейского типа. Иными словами, ставилась задача получить плоды с многовекового европейского «древа познания» и наук, но на русской почве в сжатые сроки, желательно в несколько лет. Верховная власть в этой ситуации — проводник всяческих благ подданных — действует

чаще всего насильственным способом, даже когда декларирует принципы равенства перед законом. А население оказывается пассивным восприимчиком того, что ему предписано свыше понимать как «благо», «наслаждаясь, — как пишет анонимный автор (с которым г-н Мартынов полностью солидарен), — истинной гражданской вольностью, или свободой». Само же российское общество, по не выраженному прямо мнению автора, на самостоятельное формирование норм права никак не притязает. Да и как можно противостоять «непрестанной» заботе о своих подданных Августейшим Государям (среди которых «незабвенный Александр», а Императрица Елизавета и вовсе была «неким Божеством, низшедшим на землю для довершения их счастья» — *sic!*). В комментарии г-н Мартынов всячески показывает, что исключительно верховная власть способна даровать российскому обществу справедливейшие законы, без которых оно просто погибнет. Посему представленное в «Письмах» Монтескье правовое состояние общества в Российской империи оказывается с нравственной точки зрения принципиально ложным, а его сочинение «О духе законов» — плохо известное рядовому читателю (ибо не все свободно могли читать французские издания) — и вовсе не следует брать в руки, даже по прошествии почти столетия после первой публикации.

Печатается по: Мартынов, И. И. Защита Российского правления иностранцем против иностранца с примечаниями Русскаго // Сын отечества. — 1829. — Т. 8. — Ч. 130. — № 49. — С. 150–170; № 50. — С. 205–228; № 51. — С. 278–292; № 52, — С. 331–365.

¹ *Ne dum tacemus, non verecundiae, sed diffidentiae causa, tacere videamur* (лат.) — «молчать более не следует; иначе наше молчание станет признаком уже не скромности, а сомнения».

Киприан Карфагенский (ум. 258) — ранний христианский писатель, глава древней Карфагенской церкви. Многие его сочинения написаны в ситуации гонений на христиан со стороны государственной власти и послужили образцом не только мужества и стойкости, но и основанием для дальнейшего канонического единства церкви. Его формулировка «един епископ — едина Церковь» цитировалась практически во всех последующих канонических решениях об устройении единоначалия в межсоборный период жизни Церкви, что особенно важно было для утверждения первенства Римского первосвященника.

Цитата взята из письма «К Деметриану» (ок. 251–253) адресованному некоему язычнику, который часто приходил к Киприану более из желания поспорить, чем поучиться.

Очевидно, читатель г-на И. И. Мартынова хорошо знал имя Киприана и в эпитафии прочитывается некоторая двусмысленность: Монтескье показан словоохотливым нечестивцем, а сам г-н автор сей отповеди — стойким защитником существующей российской законности и порядка.

С этого же эпитафия Ж.-Ж. Руссо начинает свой «Последний ответ» Ш. Бордесу (1752) после критики последним «Рассуждения о науках и

искусствах». Наш автор «вторичным» использованием эпитафия как бы возвращает «утраченный» первоначальный смысл цитате.

² [Strube de Piermont F. H.] *Lettres Russiennes*. [SPb.], 1760. Штрубе де Пирмонт Ф. Г. Российския (или Руские) письма. На французском изданы 1760, а со онаго на российской язык переведены 1761 года.

³ Имеются ввиду написанные аббатами монастыря Св. Убера (Бельгия) «Заметки о деспотизме аббатов Сент-Убера, и о новшествах в том монастыре» (*Mémoire sur le despotisme des abbés de St. Hubert, et sur les innovations introduites dans ce monastere.* — Paris, 1772.)

⁴ «*пошлет один из своих сапогов*» — фраза Карла XII в адрес Шведского парламента, оказывавшего в средствах на продолжение военной кампании. (см. также примеч. к статье..... в наст. сборнике.)

⁵ *Луиджи Фердинандо Марсили, граф* (1658–1730) — дипломат, военный ученый, натуралист. Был в турецком плену (1683) и написал труд, изданный посмертно “*L’État militaire de l’empire ottoman*” (Amsterdam, 1732).

⁶ Имеется ввиду «История государства Российского» Н. М. Карамзина, издававшаяся в 1819–1829 гг.

⁷ Автор ссылается на мысль, высказанную Ф. Бэконом в «Опытах, или наставлениях нравственных и политических» (*Essays or Counsels, Civil and Moral*. London, 1612), которую ретранслировали Дидро и Д’Ламбер в своей «Энциклопедии» (1751–1780).

⁸ *Самуэль фон Пуфендорф* (1632–1694) — немецкий юрист, историк и философ, при жизни получивший международное признание. Монтеस्कье называл Пуфендорфа «Тацитом Германии». На русский язык переводились «Введение в историю европейскую» (1718) и «О должностях человека и гражданина» (1724). Вероятно, многие статьи инициированного Петром I «Духовного регламента» (1721), по которому светская власть императора получала право вмешиваться в земные дела Русской Православной Церкви и согласовывать их с государственной политикой двора, написаны под прямым влиянием главного сочинения — «О естественном праве и народах» (*De Jure Naturae et Gentium*) (1672). Позднее выходит французский пер. (*Le droit de la nature et des gens.* — Amsterdam, chez Pierre de Coup, 1712). Здесь и далее автор сочинения ссылается на этот труд, но трудно сказать, какое именно издание использует.

⁹ *Йоганн Георг Вахтер* (1673–1757) — немецкий филолог и археолог, автор двухтомного «Словаря германцев» (*Glossarium Germanicum*) 1737 г.

“*De his (Danis) et omnibus septentrionalibus valet ab antiquo quod Tacitus scribit de Suionibus (Cap., XLIV): Unus imperitat, nullis jam exceptionibus, non precario jure parendi*” (лат.) — «о них (датчанах) и других северянах справедливо еще с античных времен сказано Тацитом, писавшем о свионах: один властвует без всякого ограничения, а не по временному праву подчинять». Использована цитата из «Анналов» Тацита (Германия. Кн. I. Гл. 44).

¹⁰ *Сигизмунд фон Герберштейн* (1486–1566) — дипломат Священной Римской империи в Москве при Иване III. Помимо немецкого родного язы-

ка хорошо владел многими славянскими диалектами, многократно бывал в Польше, Литве и России. Оставил многочисленные заметки об обычаях, нравах, истории, письменности и, в том числе, и о состоянии русского законодательства того времени. Очевидно, И. И. Мартынов показывает свое знакомство с содержанием его основного труда “*Rerum Moscoviticarum Commentarii*”.

¹¹ [*Germani*] *reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt* (лат.) — «[Германцы] избирают царей из благородных, а вождей — их доблестных» (Тацит. *Анналы*. Германия. Кн. I. Гл. 7).

¹² *Nec arare terram, aut expectare annum, tam facile persuaseris, quam vocare hostes et vulnera mereri. Pigrum quinimmo et iners videtur, sudore acquirere, quod possis sanguine parare* (лат.) — «Они убеждены, что незачем пахать землю и затем ждать целый год — это дело ленивых и глупых, проще быть готовым то же самое добыть в бою даже ценой потерь и крови» (Тацит. *Анналы*. Германия. Кн. I. Гл. 14).

¹³ Здесь и далее приводятся ссылки на «Указатель Российских законов» (1803–1812), составленный Львом Максимовичем Максимовичем (1754– до 1816), который входил в отдельные годы в состав редакции «Свода законов Российской империи» — проекта М. М. Сперанского (см. об этом подробнее ниже: примеч. 9 к статье Е. Н. Васильевой).

¹⁴ *Николя Амело де ла Уссе* (1634–1706) — известный французский дипломат и публицист, автор нашедшей книги «История Венецианского правления».

¹⁵ *Бертран Дюгеклен* (1320–1380) — герой столетней войны, коннетабль Франции, похороненный за боевые заслуги в усыпальнице французских королей в церкви Сен-Дени.

¹⁶ *Гуго Гроций* — считается предшественником Самуэля Пуфендорфа (см. о нем выше). — см. также примеч. 11 к статье Т.Б. Длугач.

Приведена цитата из сочинения: «О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права» (1625).

¹⁷ Приведена цитата из “*De jure naturae et gentium*” (1672), возможно, по фр. переводу (*Le droit de la nature et des gens*. — Amsterdam, 1712).

¹⁸ *Жан Батист Дюбо* (1670–1742) — французский эстетик и историк, дипломат, аббат. Имеется ввиду его теоретический труд «Критические размышления о поэзии и живописи» 1719 г.

¹⁹ Автор имеет ввиду «Очерк расчетливой политики и морали» “*Essai de politique et de morale calculée*” (1759) — *Пьер-Франсуа д’Анкарвиля Юга* (1719–1805), опубликованный анонимно.

²⁰ *Мустафа II* (1664–1703) — султан, правивший в Османской империи в 1695–1703 гг. В августе 1703 г. После череды военных неудач фактически устраняется от управления страной, передав полномочия своим приближенным, в частности Фейзуллаху Эфенди, который стал активно вмешиваться во внутреннюю и внешнюю политику страны. Его злоупотребления

вызвали недовольство янычар. в Стамбуле поднялось восстание и Мустафа отрекся от престола в пользу своего младшего брата Ахмеда III (1673–1736), правившего до 1730 г. В результате переворота к власти пришел сын Мустафы II — Махмуд I (1696–1754).

²¹ *Арбак*, *Аман*, *Датам*, *Аннибал* [т.е. Ганнибал] и др. — перечисляются имена легендарных мифологических и исторических царей и полководцев Древнего мира, большей частью не имеющих большого значения в истории права, но хорошо известных И. И. Мартынову как переводчику с древних языков.

Так, под именем *Арбак* известен древний мидийский царь IX в. до н. э.

Аман — персонаж Ветхого Завета, фаворит и министр персидского царя, задумавший истребить евреев Персии, спасенных благодаря вмешательству Эсфири. Он попал в немилость и был повешен.

Датам — храбрый и удачливый полководец персидской армии (IV в. до н.э.).

Ганнибал (247–183 г. до н.э.) — карфагенский военачальник, один из величайших полководцев и политических деятелей древности, последний лидер Карфагена перед его падением в результате Пунических войн.

Нин — легендарный ассирийский царь.

Вил — название верховного божества в Вавилоне, почитаемого за бога солнца и света.

Вахх — так транслитерировали французское написание *Voschoris*: Бокхорис — фараон Древнего Египта, правивший, приблизительно, в 718–712 годах до н. э. (см примеч. 2 к статье Я. И. Шнейдера).

Кир (560–529 гг. до н.э.) — основатель персидского царства, свергший мидийского царя, победивший Креза, захвативший Вавилон и ставший царем всей западной Азии. Он уважительно относился к религии и установлениям завоеванных народов, требуя с них только дань. Бейль действительно в своем «Словаре» характеризует его как порядочного и великодушного человека (Bayle, P. Dictionnaire historique et critique. — Paris, 1820. — Т.11. — P. 185–187).

Пьер Бейль (1647–1706) — см. примеч. 10 к статье Н. Ю. Плавинской.

Сесострис (греч. Σέσωστρις), скорее всего, — собирательное имя, под которым древние писатели Геродот и Страбон понимали одного из первых завоевателей практически всего Древнего мира.

Возможно, *Норадин* — это исторический *Нур ад-Дин* (1146–1174), сирийский правитель Дамаска, некоторое время успешно противостоявший крестоносцам.

²² *Харондас* (греч. Χαρόνδας) — легендарный законодатель Сицилии VII–VI в. до н. э., вероятно ученик Пифагора, дал халкидским колониям в Италии законы, отличавшиеся нравственной и юридической строгостью, наравне с законами Залевка, с которым его иногда смешивают.

Залевк (VII в. до н. э.) — ученик (и раб) Пифагора, известен как законодатель Локр Эпизефирских в Нижней Италии, считается автором древнейших писанных законов Античного мира.

²³ Имеется ввиду знакомое Монтеस्कье издание “*Etat présent de la grande Russie ou Moscovie. Chez André Cailleau*” (Paris 1718). Русский перевод появился с большим опозданием (Пери, Д. Состояние России при нынешнем царе. В отношении многих великих и замечательных дел его по части приготовления к устройству флота, установления нового порядка в армии, преобразования народа и разных улучшений края / Пер. О. М. Дондуковой-Корсаковой // Чтения императорского Общества Истории и Древностей Российских. — М., 1871. — № 1).

Джон Перри — см. примеч. 2 к статье Ф. Г. Штрубе де Пирмонт.

²⁴ «*Да и вообще смертная казнь в отечестве нашем издавна отменена*» — это написано всего спустя четыре года после казни декабристов в Петропавловской крепости, о которой знала вся столичная и московская публика.

²⁵ *Генерал-рекетмейстер* — см. примеч. 3 к статье Ф. Г. Штрубе де Пирмонт.

Алла Августовна Златопольская (род. 1949)

Кандидат философских наук, специалист по философии Руссо и Вольтера, старший научный сотрудник Центра изучения эпохи Просвещения — Библиотеки Вольтера (Отдел редкой книги Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург). Автор-составитель томов серии “*Pro et Contra*”, посвященных П. Я. Чаадаеву, Ж.-Ж. Руссо и Вольтеру.

А. А. Златопольская

Проблема Общественного договора в зеркале русской мысли века Екатерины. Восприятие идей Руссо и Монтеस्कье

Печатается по: Златопольская, А. А. Проблема Общественного договора в зеркале русской мысли века Екатерины. Восприятие идей Руссо и Монтеस्कье // *Философский век: Альманах*. — Вып. 11. Екатерина и ее время: Современный взгляд / Отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. — СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 1999. — С. 52–65.

¹ *Павел Сергеевич Потёмкин* (1743–1796) — русский военный и государственный деятель, поэт-любитель, автор ряда стихотворных произведений, философских трактатов и переводов.

² См. подробнее во вступительной статье к антологии.